E89
795
автограф

А. Э. СВѢНЦИЦКІЙ.

ЗА РОДИНУ и ПРАВО.

ПОГИБЕЛЬ БЕЛЬГІИ.
ПРУССКІЯ ЗВѢРСТВА.
НА КАРПАТАХЪ.

2-е ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
—
1914.

Христосъ Воскресе!

Его превосходительству В. О. Свѣнцицкому на добрую память отъ признательнаго автора

Штабсъ-Кап. Свѣнцицкій

1916.

11 апрѣля.

Однофамилец, а не родственник. Боже избави от такого родства

Н. Свѣнцицкая

E 89
795

А. Э. СВѢНЦИЦКІЙ.

16614
4

За родину и право.
Погибель Бельгіи.
Прусскія звѣрства.
На Карпатахъ.

1890-96709
1391918 №239.

МОСКВА.
1914.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н.К.П РСФСР
Инвент. № 27317
26/I 1936 г.

Тип. Поплавского. Москва.

ПРІЮТИТЕ!

Поэзія не въ вычурномъ, а въ простотѣ и въ воодушевленіи.

Пушкинъ.

1.

Пріютите!
Помогите!

Переполнены больницы,
Переполнены биткомъ,
Ѣдутъ, идутъ вереницы,
Идутъ къ вамъ за уголкомъ!

Пріютите!
Помогите!

Дайте имъ пріютъ, заботу,
Пусть кровавую работу
Позабудутъ въ тишинѣ.
Тамъ въ убійственномъ огнѣ
Они кровъ вашъ защищали,
За покой вашъ проливали
Кровь свою... теперь они,
Какъ потухшіе огни,

Просятъ васъ: подайте руки,
За страданье, горе, муки
Дайте уголъ... пріютите!

Пріютите!
Помогите!

2.

Тихую дайте обитель,
Воздуха дайте вольнѣй...
Помните—раненый житель
Пахарь свободныхъ полей!
Бѣлыя, чистыя сестры,
Дайте имъ руку свою,
Муки ихъ жестки и остры,
Кровь расточена въ бою!

Жатва войны.

Вы, цвѣточки-василечки,
Дѣти русской колыбели,
Словно сини огонечки,
Надъ пшеницею горѣли!
Въ нивѣ нѣжились, качались,
Съ солнцемъ – братомъ обнимались,
И надъ жницею-дѣвицей,
Вмѣстѣ съ сильною пшеницей,
Красотой своей смѣялись...
Ахъ, цвѣточки-василечки,
Вы теперь упали... сжаты,
И потухли огонечки...
Съ поля снопики убраты...
Подъ Карпатами холмочки,
Подъ Карпатами могилы!
Это ваши, василечки,
Рано скошенныя силы!

НА ВОКЗАЛѢ.

1.

Лицо и изнанку войны
Мы видимъ на каждомъ вокзалѣ:
Тутъ матери слезы, жены...
И тутъ же ура мы кричали.
Вагонъ за вагономъ плыветъ
И въ каждомъ вагонѣ картина...
Вотъ поѣздъ, съ бойцами идетъ—
Глядитъ боевою машина.
Весь поѣздъ отъ пѣсни дрожитъ,
Здоровый солдатикъ смѣется...
И каждый солдатикъ на видъ
Не даромъ героемъ зовется!

2.

Вотъ поѣздъ, навстрѣчу другой,
Въ немъ пѣсни веселой не льется...
Идетъ похоронной стопой,
Навстрѣчу ура не несется.

3.

Встрѣчаютъ на вокзалѣ,
Встрѣчаютъ тишиной,
Берутъ ихъ на носилки,
Несутъ почти съ мольбой...
Какъ въ церкви предъ причастьемъ,
Въ народѣ тишина;
Душа передъ несчастьемъ
Молчаніемъ полна.

Несутъ среди народа,
Боясь и колыхнуть...
И тысячью очами
Впиваютъ смерти жуть.
„Страдальцы наши!“—шепчутъ—
„Подвижники!“—Тряхнуть
Боятся, какъ съ причастьемъ,
Свершая крестный путь...
Они же, кто покрѣпче,
Страданье заглушивъ,
Глядятъ съ улыбкой кроткой
На дружескій приливъ.
И шепчутъ: „дорогіе,
Готовы пострадать,
За рѣчи эти, ласки
Другую жизнь отдать!“

4.

Повозки громыхаютъ—
То раненыхъ везутъ...
Повозокъ не считаютъ,
Десятками идутъ!

5.

Подвижники наши родные,
Страдальцы за наше благое!
Орлы вы, орлы боевые
Лишенные крыльевъ средь боя!
Гдѣ небо для васъ голубое!?

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

1.

Какое страшное терпѣнье!
Лежитъ онъ съ пулей въ головѣ,
И стона нѣтъ и сожалѣнья,
Онъ тихъ, какъ колосъ на жнитвѣ...
Какая сила и терпѣнье!
Обвязанъ марлею кругомъ,
Какъ воскъ пожелкъ... видать томленье
Въ глазахъ съ дрожащимъ огонькомъ...

2.

Молчитъ съ широкими зрачками,
Сидитъ, шатаясь, какъ въ хмѣлю...
И днями, цѣлыми ночами
Онъ шепчетъ только „потерплю!“

3.

Хребетъ пробитъ... лежитъ и прямо
Глядитъ на насъ нездѣшній взоръ...

Тутъ жизни конченная драма,
Здѣсь лишній всякій разговоръ!

4.

Въ окно глядятъ, лаская взоры
Своей здоровой желтизной,
Дубовъ столѣтніе уборы,
И воздухъ движется струей...
Свѣтло и ясно... на кровати
Лежитъ съ повязкой на рукѣ,
Но ужъ здоровый... благодати
Онъ радъ разлитой въ вечеркѣ.
Сосѣдъ подходитъ, чуть хромая...
И разговоръ они ведутъ...
И жизнь мила имъ боевая,
И славенъ имъ кровавый трудъ...

На перевязочномъ пунктѣ.

1.

Этотъ стонъ, этотъ вопль, этотъ скрежетъ зубовный,
Эти розы разорванныхъ, мученныхъ тѣлъ,
Этотъ голосъ хирурга рѣшительный, ровный...
И сверканье ножа, близкій смерти предѣлъ...
И несутъ, и несутъ, безъ конца, безъ начала,
Другъ за другомъ, томясь въ ожиданьѣ ножа...
И когда же конецъ? и неужто же мало
И носильщиковъ смерти и ихъ багажа?!.
Духъ проклятаго міра!.. кошмарное дѣло!..
Перевернутый разумъ, разрывы луча...
Негодуй и кричи!.. А сбѣгало, краснѣло
Что-то теплое съ пальцевъ краснѣвшихъ врача.

2.

Поблекшій видъ, изнеможенье...
И шопотъ, стоны безъ конца,
И видъ ужасный отхожденья,
Оскалъ зубовъ и смерть лица...
И этотъ трепетъ и извивы...
И крики, слезы, хрустъ костей,
Оттѣнки мукъ и переливы
Страданій, чаянья людей.

3.

Одинъ прыжокъ ножа, ошибка
Усталой воли... и, какъ рыбка,
Вздрогнетъ подъ ножикомъ, и крикъ
Ужъ извѣститъ послѣдній мигъ!..

На смерть раненаго.

Ты, пришелецъ, подъ знамя святое,
Подъ высокое знамя Христа,
Подъ подножье простого Креста
Положилъ свое имя простое.
Ты пришелецъ, пришелецъ печальный,
Словно щепку большихъ кораблей,
Ураганъ огнедышащихъ дней
Тебя вынесъ на островъ нашъ дальній.
Положилъ ты свое безъ остатка
На алтарь великанши страны...
Ты, измученный ранами, сладко
Предвкушаешь блаженные сны...
Память вѣчная!.. съ тихимъ почтеніемъ
Мы, склоняся, стоимъ надъ тобой...
Изъ-подъ крышки на насъ гробовой
Ты глядишь съ величайшимъ смиреніемъ!
Ты, пришелецъ, подъ знамя святое
Положилъ свое имя простое:
Съ безконечною силой любя,
Положилъ самого ты себя!..

НА КАРПАТАХЪ.

Синею сталью, холодною сталью
Неба сіяетъ клинокъ,
Небо сіяетъ созвѣздною далью...
Мѣсяцъ—алмазный глазокъ.
Чѣмъ-то печальнымъ и жутко холоднымъ
Кажется тихая ночь...
Думать не смѣешь о личномъ, свободномъ...
Думы о жизни всѣ прочь.
Въ эту холодную, позднюю пору
Только покойнымъ блуждать...
Тихо имъ выйти на черную гору,
Въ мѣсяцѣ мглою сверкать.
Вышли, я вижу... толпою беззвучной
Сѣли на камнѣ... молчатъ...
Жмутся другъ къ другу... тоскливо и скучно
Прямо къ востоку глядятъ.
Тамъ за равниной далеко, далеко
Видится русская степь,
Словно колдунья сѣдая, высоко
Горбится горная цѣпь...
Полночь глухая. Съ долины глубокой
Будто бы стонъ пробѣжалъ...
Колоколъ это... по тверди стоокой
Звукъ одиноко взбѣжалъ...
Колоколъ слышенъ... родныя селенья
Здѣсь вспоминаютъ въ выси...
Вздохъ пробѣгаетъ, средь мертвыхъ движенье:
Помнятъ они о Руси.
Каждую ночь мертвецы дорогіе
Будутъ въ Карпатахъ вставать,
Скучно вдали отъ отчизны Россіи
Даже въ могилѣ лежать.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Есть чистыя созданья,
Дары небесъ землѣ,
Бытье ихъ овѣванье,
Сіянье въ темномъ злѣ.

Когда ты наклоняешь
Надъ раненымъ свой станъ,
Рукою обмываешь
Гнѣздо кровавыхъ ранъ,

Я вспомню о сіяньѣ
У тихихъ образовъ...
Кошмарное терзанье
И муки дѣтскихъ сновъ...

Я помню ужасъ сказки,
Мой, помню, липкій потъ...
И чудо мамы сказки...
Могущество заботъ...

Какъ сладко, засыпая,
Я чувствовалъ ее,
Что здѣсь она, святая,
Готовая на все.

И ты, моя сестрица,
Напомнила ее...
Вотъ мнѣ дала напиться...
Вздохнула глубоко...

ПОГИБЕЛЬ БЕЛЬГІИ.

I.

Королева Бельгійская.

Подъ дождемъ кровавымъ
Каково лилеѣ,
Каково ей бѣлой
Въ этомъ буревеѣ...
Каково ей, кроткой,
Очутиться въ битвѣ,
Ей—привыкшей съ дѣтства
Къ тишинѣ молитвы...
Каково ей, свѣтлой,
Увидать страданье,
Увидать народа
Цѣлаго закланье!

Въ тьмѣ воздушной океана,
Ты помнишь, чудище летѣло,
Явленье, помнишь, айроплана?..
Какъ сердце ужасомъ болѣло!..
Ты помнишь щелканье моторовъ,
Стрѣльбу поспѣшную дозоровъ?
Драконъ огнистыми когтями,
Водилъ по городу... съ дѣтями
Какъ ты въ дворцѣ своемъ дрожала,
А сила́ темная искала
Убить кого-нибудь средь сна...
Быть можетъ, ужаса полна,
Ты предъ крестомъ Христа металась...

Толпа въ испугѣ пробуждалась,
И раздавался вопль дѣтей...
Изъ горла многихъ матерей
Рвались рыданья, затихали...
Король же твой подобенъ стали
Былъ твердъ въ рѣшеньѣ... Какъ шипя
Летѣла бомба надъ дворцомъ,
Какъ айропланъ свистя, хрипя,
Исчезъ, водя своимъ огнемъ.

II.

Антверпенъ палъ.

Антверпенъ пылаетъ, Антверпенъ одѣтъ
Пурпуровой тогой пожара...
О, время нежданныхъ, безчисленныхъ бѣдъ!
О, время безумья, угара!..
Вокругъ его тучны и жирны поля,
Трудами и потомъ политы...
Кто зналъ, что плодливая будетъ земля
Потоками крови залита?..
Антверпенъ пылаетъ, Антверпенъ горитъ,
Какъ греческій храмъ Герострата...
Безумная воля, какъ призракъ, стоитъ
Надъ трупомъ убитаго брата.
Бельгійцы герои, бельгійцы народъ,
Умѣвшій упорно трудиться,
На смерть за свободу, за братство идетъ...
Ты будешь, германецъ, молиться!
Ты, Каинъ—убійца, молиться придешь
Надъ этой бельгійской могилой,
Иглистый, желѣзный, ползущій, какъ ежъ,
Падешь ты, играющій силой!

Красивы, ужасно красивы
Народные эти приливы,
Идущій свободный народъ
За бога высокихъ свободъ...
Багровы, ужасно багровы
Всѣ нивы упавшихъ за слово,
Упавшихъ за славу и честь,
Благую несущіе вѣсть:
Что въ мірѣ есть сердце живое,
Хранящееe свято святое,
Что было и будетъ и есть
Свободная воля и честь!

Вы видите этихъ бѣгущихъ,
Дѣтей истощенныхъ несущихъ...
Антверпенъ, вы знайте, бѣжитъ!
Враги обнимаютъ пожаромъ,
Задохнуться можно подъ паромъ,
По воздуху пламя летитъ!
И ружья и пушки—концерты
Давно исполняютъ... Конверты
Съ повѣсткой о смерти летятъ;
И громы надземнаго ада,
Снарядовъ свистящихъ громада,
Въ Антверпенѣ сдѣлали адъ!

Антверпенъ палъ!.. Знамена, ниже
Склонитесь въ арміи друзей!..
И въ Петроградѣ и въ Парижѣ
Надѣньте трауръ поскорѣй!
Вотъ, вотъ подъ прусскими ногами
Подъ Голіафомъ нашъ Давидъ,

Какъ голубь съ бѣлыми крылами
Спаситель нашъ святой лежитъ!
Неужто нѣтъ уже спасенья?
И на глазахъ Европы всей
Въ пиру, достойномъ омерзенья,
Насильникъ можетъ ѣсть людей!

Бельгійцы собрались въ дорогу,
Какъ древле евреи пошли,
Какъ древле, покорные Богу,
Въ изгнанье дѣтей понесли...
Кровавое око родное
Антверпена смотритъ во слѣдъ...
Оставили городъ безъ боя...
Былъ городъ пожаромъ одѣтъ...
Свой городъ они пожалѣли:
Пусть будетъ, красавецъ, онъ цѣлъ,
Оставить свои колыбели
Бельгійскій народъ не жалѣлъ...
Зане онъ увѣренъ былъ твердо,
Что всякъ, поступающій гордо,
Какой бы онъ силы ни былъ,
Падетъ предъ Водителемъ силъ,
И снова бельгіецъ вернется...
И новое солнце займется.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

Сказаніе о „четырехъ языкахъ“.

(Разсказъ солдата).

Да, страшное дѣло я помню, друзья,
Я былъ съ отдѣленьемъ въ разъѣздѣ;
Всю ночь мы таились, украдкой бродя,
О смѣломъ мечтая наѣздѣ...

Всю ночь моросило и даже порой
Изъ тучи да такъ припускало,
Что мы, захлебнувшись водой дождевой,
Дрожали и мерзли не мало...

Въ лѣсу мы дрожали; осенняя ночь
Накрыла внезапною шапкой...
Идти бы скорѣе съ разъѣздами прочь,
Да сзади не ждали насъ съ хаткой...

Такая же мокреть въ палаткѣ ждала,
Да ночка въ нѣмецкомъ союзѣ была:
Могла она лѣсомъ разъѣздъ закружить,
И въ прусскія пасти кускомъ положить...

И мы оставались, забравшись въ лѣсокъ...
Вотъ, думаемъ, утромъ, какъ встанетъ денекъ,
Чуть только забрежжитъ, мы сразу въ „ура“...
Хоть малы мы, горстью, да смѣлость добра!..

Бывали смѣлѣе у насъ... и въ наскокъ
Садились верхами на прусскій носокъ...
И такъ пострадали мы цѣлую ночь,
Ложились и спали, кому ужъ невмочь.

Эхъ! ночь для разъѣзда средь лѣса длинна,
Промокла отъ пота и ливня спина...
А, впрочемъ, довольно!.. Правдивый разсказъ
Я началъ предъ вами совсѣмъ не о насъ...

Что можетъ быть хуже въ нѣмецкомъ краю,
Когда ты въ нѣмецкую лѣзешь ноздрю?
Ну, утро настало... я кратче скажу...
Тихонько оставивъ лѣсную межу,

Пошли мы пруссаковъ искать по опушкѣ...
За горкой сосѣдней ба-б-ахнули пушки,
Заспорили ружья... Мы тихо кустами
Полѣзли по травкѣ... и тутъ подъ ногами

Увидѣли, трупа четыре лежатъ...
Шинели сѣдыя... ну, словомъ, нарядъ
Россійскаго, братцы, армейца-солдата...
Неловко оставить товарища-брата.

И мы приготовились трупы зарыть,
Вдругъ видимъ, какъ стало тѣ трупы водить...
Поднялись тѣ трупы и сѣли, глядятъ...
Эхъ! видъ-то негожій у этихъ солдатъ!..

Въ крови ужъ, конечно... ее не считать...
Въ крови все обличье... и страшно сказать!..
Четыре ихъ трупа... одно... мертвецы...
Подходимъ мы... этакъ слегка, „молодцы“,

Желаемъ имъ русскимъ сказать языкомъ,
„Попали откуда подъ самымъ врагомъ“?..
Спросили мы, братцы... Они же въ отвѣтъ
Намъ рты открываютъ, а въ яминѣ нѣтъ

Совсѣмъ, мои свѣты, того... языка...
И живъ я на свѣтѣ, да, живъ я пока,
Я въ вѣкъ не забуду того языка...

Въ кровавой-то яминѣ только куски
Запекшейся крови... вотъ вамъ пруссаки!
Повѣрьте, мы, братцы, увидѣвъ—завыли,
Упали на землю, и землю зарыли...

Въ сто лѣтъ не забудемъ страшнѣйшій тотъ мигъ!
Подумай, отрѣзать живому языкъ!
Мы бѣдныхъ подняли на сѣдла, потомъ
Свезли на биваки... и долго потомъ

Солдатики русскіе наши стояли,
Суровыя слезы рукой отирали...
И скоро, повѣрьте, безжалостный врагъ
Узналъ безпорочный россійскій нашъ стягъ!

Прусское звѣрство.

Намъ женщину дайте!.. охрипнувъ отъ винъ,
Отъ ругани грубой команды,
Такъ вопятъ средь комнатъ разбитыхъ руинъ
Нѣмецкіе львы—лейтенанты...
Осколки бокаловъ, красивыхъ вещей
Валяются въ комнатѣ; рубкой,
Видать, занимались они палашей...
Посуда валяется грудкой...
Паркеты заплеваны... виденъ отбросъ...
Мундиры разстегнуты... вина
Разлиты... измятыя вѣточки розъ,
И пальцемъ проткнута картина...
Остатки отъ яства... по горло сыты,
И пьяны, довольны... о женской
Усладѣ мечтаютъ, наѣвшись, коты,
О бабѣ хотя деревенской...
„Скорѣе намъ женщинъ!“ — и женщинъ ведутъ...
Межъ ними ребенокъ—паненка...
Рыданье и хохотъ... удары и кнутъ...
Позорныя муки застѣнка.

Солдатамъ досталась... растерзанный трупъ
Паненки они дотерзали...
И въ раннее утро, подъ громкій звукъ трубъ,
Гарцуя, враги выѣзжали...

Чего хочетъ нѣмецъ.

Обильемъ дышитъ край сосѣда,
Сосѣдъ лѣнивъ и спитъ всегда,
Одинъ наскокъ, одна побѣда—
Земля вся нѣмцевъ безъ труда!

На мѣсто селъ свою колонку
Построимъ... нѣмцамъ будетъ рай,
Отъ русской грязи подъ метелку
Очистимъ мы богатый край.

Чернорабочимъ—безсловеснымъ
Пусть русскій будетъ... по дѣламъ!
Глупецъ, лѣнтяй, вахлакъ извѣстный,
Онъ управлять не можетъ самъ.
Кнута онъ проситъ, рабъ лѣнивый...
Зачѣмъ ему земля, языкъ?
Онъ будетъ болѣе счастливый,
Когда онъ будетъ только быкъ.

Пусть носитъ нѣмца быкъ на шеѣ.
Возить на шеѣ нѣмца честь...
Какія тамъ еще идеи,
Когда нашъ нѣмецъ хочетъ ѣсть!

Культура—тьфу! одно видѣнье,
Науку чтитъ одинъ дуракъ...
Имѣетъ твердое значенье
Лишь бронированный кулакъ.

СОБИРАЙТЕСЬ.

Собирайтесь, родимые! Поле
Надо бросить безъ косъ и серповъ...
Невозможно терпѣть уже болѣ
Издѣвательствъ, бахвальства враговъ.

Позабыли враги, какъ лежали
Подъ пятой Бонапарта они;
Подъ пятой великана дрожали,
И считали послѣдніе дни.

Позабыли они про французовъ,
Про двѣнадцатый славный годокъ,
Когда, если-бы нашъ не Кутузовъ,
Потерялся-бъ нѣмецкій царекъ!

Какъ иголка пропалъ бы на полѣ...
Мы когда-то иголку нашли,
Насъ теперь она колетъ все болѣ,
И до сердца проникла... коли!

Насъ терзай! свою кровь изливая,
Извлечемъ и растопчемъ иглу,
Благодарность змѣи вспоминая,
Оторвемъ отъ Россіи змѣю!

Мы пригрѣли когда-то несчастныхъ,
Этихъ нѣмцевъ, питали собой,
И нашли въ нихъ тирановъ всевластныхъ...
Ополчайтесь, родные, на бой!..

* * *

Войны Россія не хотѣла,
Уже созрѣла въ полѣ рожь,
Но зависть въ нѣмцахъ накипѣла,
И стало нѣмцамъ невтерпежъ.

Придраться надо было къ малымъ,
Придрались къ сербамъ—„упади
Въ смиреньѣ, рабствѣ небываломъ,
Не такъ, а этакъ ты иди!“

Сердца въ Россіи закипѣли,
За сербскій братственный народъ
Возстала Русь... и гимнъ запѣли,
Собрали армію и флотъ.

* * *

Собирайтесь, родимые! Поле
Надо бросить безъ косъ и серповъ!
Невозможно терпѣть уже болѣ
Издѣвательствъ, бахвальства враговъ!..

Москва, великая Москва!
Опять ты встала на вершинѣ!
Гремятъ опять твои слова,
Приникли мы къ твоей святынѣ.

Опять гудятъ колокола,
Къ одной молитвѣ собирая,
Къ своимъ церквамъ Москва пришла,
Себя на подвигъ посвящая,

Бросая будничный расчетъ,
Готова Русь идти на битву,
Вокругъ Царя одинъ народъ
Поетъ свой гимнъ, свою молитву.

Знамена наши времена
Давно побѣдой освѣтили...
Берлинъ мы брали... пусть война!
Врага побьемъ, какъ прежде били.

Вѣками храмы созидались
Въ Москвѣ народною рукой,
Глаза народа озарялись
Всегда единою душой.

Въ часовнѣ Иверской икона
Въ благоговѣйной тишинѣ
Хранитъ Руси святое лоно
И говоритъ о вѣщемъ снѣ.

Передъ святыней преклоняться
Привыкъ нашъ русскій, Бога чтя,
Смиреньемъ чистымъ наполняться
Умѣетъ въ грозный часъ бытья.

Идетъ на битву, не алкая,
Безъ словъ напрасныхъ, не шутя,
А долгъ священный исполняя,
Отчизну, Бога крѣпко чтя.

Буранъ россійскій! ты учитель,
Ты тѣло наше оковалъ,
Въ степяхъ Руси путеводитель,
Ты пѣсни намъ, дѣтямъ, слагалъ!..

Кто жилъ съ тобой, не забоится
Тотъ испытаній и борьбы,

Привыкъ съ стихіей онъ дружиться,
Играть съ жестокостью судьбы...

Буранъ—нашъ стражъ, онъ на порогѣ,
Готовъ прогнать всегда чужихъ...
Нахмуритъ бровь, и нѣтъ дороги!
Вся Русь для русскихъ, для своихъ!

Умѣетъ онъ смѣяться,
Умѣетъ хохотать,
Когда въ снѣгахъ теряться
Начнетъ чужая рать.

Умѣетъ онъ узоромъ
Дорогой поводить,
Оврагомъ, темнымъ боромъ
До смерти закружить.

Имѣетъ онъ повадку
Чужого хоронить,
Потомъ надъ нимъ въ присядку
Плясать, свистѣть и выть.

* * *

Русскіе дѣтскіе годы!
Вспомните Бѣжинъ лужокъ!..
Русской нехитрой природы
Тихій и милый кружокъ!..

Помните сказки!.. ночное?..
Конское ржанье... Костеръ...
Небо въ выси голубое,
Влагою дышащій боръ...

Какъ не любить дорогую
Нашу отчизну, друзья!
Бросить возможно-ль родную
Въ часъ поруганья врага!

* * *

Стыдись, Германія! бросать
Возможно-ль такъ свои завѣты!
Гдѣ знанье, свѣтъ и благодать,
Гдѣ Шиллеръ, гдѣ твои поэты?

Еще ты обуви своей
По смерти Фихте не смѣнила,
И міру чистому идей
Его высокихъ измѣнила.

Была когда-то колыбель
Въ тебѣ науки, просвѣщенья,
Теперь одинъ нѣмецкій хмѣль
И грубой силѣ поклоненье.

* * *

Твой кайзеръ силы всѣ ума
Направилъ въ дѣло разрушенья,
Въ тебѣ былъ свѣтъ—явилась тьма,
И отъ насилья нѣтъ спасенья!

Людскою кровью захотѣлъ
Пиратъ твой кайзеръ напитаться!
Довольно! Есть всему предѣлъ!
Пора настала расчитаться!

Онъ хохоталъ, какъ пьяный швабъ,
Нашъ кроткій Царь когда о мирѣ
Ему вѣщалъ... изъ грубыхъ лапъ
Кулакъ показывалъ порфирѣ.

Теперь не тѣ ужъ времена;—
Нельзя разбоемъ пробавляться!—
Встаютъ гнѣвливо племена...
Довольно! Надо расчитаться!

* * *

Хлѣбосолъ народъ Россійскій!
Все готовъ гостямъ снести,
„Вамъ, гостямъ, поклонъ нашъ низкій,
Въ ласкѣ дружбу повести!“

Радъ дѣлиться онъ съ друзьями,
Рѣжетъ страны, какъ куски...
Отъ большого каравая
Ѣшьте, милые дружки!

Швабы пили, швабы ѣли...
Хлѣбосолъ доволенъ—на!
Швабы скоро порѣшили—
„Преглупѣйшая страна!“

„Дай-ка мы ее заграбимъ!..“
И полѣзли съ кулакомъ.
Богатырь кулакъ увидѣлъ,
Потемнѣлъ своимъ лицомъ...

И, вскочивъ на рѣзвы ноги,
Закричалъ онъ: „Швабы—вонъ!“
Швабы прыснули, какъ зайцы...
Швабовъ было милліонъ.

* * *

Степи необъятныя,
Вы, лѣса дремучіе,
Нивы благодатныя,
Рѣченьки текучія!

Сбейтесь вы въ единую
Грудь Руси могучую,
Грудью этой львиною
Понеситесь тучею!

Отъ степей былинкою,
Отъ лѣсовъ листочками,
Отъ луговъ травинкою,
Отъ отцовъ сыночками.—

Подымайтесь! Силою
Солнце затемняется,
То надъ Русью милою
Силушка смыкается!

А еще по былочкѣ,
По листочку малому,
И отъ той пылиночки
Быть и не бывалому.

Быть огню небесному
Гордецу сосѣднему,
Быть страданью крестному,
И суду послѣднему!

* * *

Пусть русскій, эллинъ и еврей
Одну Россію составляютъ,
Отъ жадныхъ, варварскихъ затѣй
Свою отчизну сохраняютъ!

Пусть каждый кустикъ и вершокъ
Земли имъ будетъ драгоцѣнный
И въ тѣсный, дружескій кружокъ
Сольются въ чувствѣ сокровенномъ!

Долой раздоры, споръ долой!
Пускай не будетъ между нами
Границъ очерченныхъ борьбой!..
Сольемся всѣ передъ врагами!

* * *

И вотъ зашумѣли знамена,
Опять раздается труба,
И идутъ народы, племена,
Куда ихъ толкаетъ судьба.

О родина наша святая!
Тебя не оставимъ въ пути,
Страданья твои раздѣляя,
Съ тобою готовы идти!..

Напомнимъ мы прежнія были,
Побѣды и славу отцовъ,
Знамена, гдѣ русскіе были
Въ главѣ незабвенныхъ полковъ!

Напомнимъ австрійцамъ Карпаты,
За швабскую лживую лесть,
Гдѣ русскіе наши солдаты
Спасали австрійскую честь!

Пора наступаетъ расплаты!
Наполнился цифрами счетъ!
Опять за сѣдые Карпаты
Россійская сила идетъ.

О, родина наша святая!
О, ты, мироносная рать!
Завѣты временъ исполняя,
Идешь ты родное спасать!

* * *

Какъ громъ внезапнаго набата
Раздался крикъ: „война, война!“
И отъ жнитва берутъ солдата,
И зарыдали мать, жена...

Не плачь, жена! Молись! Россія
Теперь въ опасности.—Идутъ
Враги жестокіе, лихіе
И смерть полямъ роднымъ несутъ.

Прощай! нашъ долгъ—отдать послѣдній
Россіи вздохъ и защищать
Отъ этой нечисти сосѣдней
Родную нашу благодать!

Не плачь, жена! Еще отвага
Кипитъ въ россійскомъ мужикѣ,
И за Царя, за славу флага
Есть сердце въ каждомъ уголкѣ.

Молись-ка лучше, пусть святые
Святое дѣло поведутъ!..
Не мы идемъ—враги лихіе
Подняли насъ, и упадутъ!

* *
*

Да, народный потокъ увлекаетъ,
Нестерпимо съ собою влечетъ,
И мой листъ на потокъ упадаетъ
Съ неподвижныхъ осеннихъ высотъ.

Пусть беретъ его свѣжая влага,
Пусть несетъ его въ дали къ морямъ!
Безпрерывны въ народѣ отвага
И теченье къ великимъ дѣламъ.

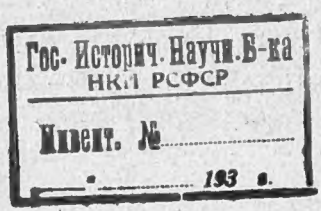
Нѣтъ въ народѣ сомнѣнья, покоя,
Не теряетъ весенній онъ цвѣтъ...
Что ни сдѣлаетъ—чувство простое
Повсемѣстно обрящетъ привѣтъ.

* * *

Впередъ за братство и за миръ,
Насилье презирая,
За весь культурный свѣтлый міръ,
За честь родного края!

За братство общее идемъ!
Быть можетъ, валъ девятый
Кровавой распри разобьемъ,
И сгинетъ духъ проклятый!

Духъ злобы, зависти въ крови
Утопимъ мы священной,
И свѣточъ истинной любви
Зажжется надъ вселенной!



ДЗ

Цѣна 30 коп.